
Шэнь Я.

**ДАНИИЛ ХАРМС И ЧЖУАН-ЦЗЫ
ОБ ЭСТЕТИЧЕСКОМ ВОСПРИЯТИИ МИРА ***

Shen Ya.

**Daniel Harms and Chuang Tzu on the aesthetic perception
of the world**

Для Хармса, как для даосов, восприятие красоты (гармонии) мира и человека связывается с представлениями о происхождении явлений и природе существования, о мире как находящемся в вечном движении, о непознаваемости порождающей силы (т.е. если обратиться к терминам европейским, с представлениями онтологическими и гносеологическими). Порождающая мир сила, обозначаемая у Чжуан-цзы как Дао, порождает и красоту: «Небо и земля обладают великой красотой». Слияние с этой «великой красотой» или, по крайней мере, способность правильно созерцать ее в даосизме понимается как главная цель для человека, вступившего на Путь. Такое слияние требует аскетического отрешения от всего слишком человеческого, потому что оно отделяет человека от мира.

Некоторые притчи Чжуан-цзы могут поразить европейца отказом не только от условностей человеческого общежития («ритуалов»), но и от «человечности и справедливости» и «разума» (как личного и субъективного): «Янь Хой сказал: “Я кое-чего достиг”. – Чего именно? – спросил Конфуций. – Я забыл о ритуалах и музыке. – Это хоро-

* *Шэнь Я.* Даниил Хармс и Чжуан-цзы об эстетическом восприятии мира // *Litera.* – М., 2019. – № 2. – С. 110–117.

шо, но ты еще далек от совершенства. На другой день Янь Хой снова повстречался с Конфуцием. – Я снова кое-чего достиг, – сказал Янь Хой. – Чего же? – спросил Конфуций. – Я забыл о человечности и справедливости. – Это хорошо, но все еще недостаточно. В другой день Янь Хой и Конфуций снова встретились. – Я опять кое-чего достиг, – сказал Янь Хой. – А чего ты достиг на этот раз? – Я просто сижу в забвении. Конфуций изумился и спросил: «Что ты хочешь сказать: “сижу в забвении?”» – Мое тело будто отпало от меня, а разум как бы угас. Я словно вышел из своей брэнной оболочки, отринул знание и уподобился Всепроницающему. Вот что значит “сидеть в забвении”. – Если ты един со всем сущим, значит, у тебя нет пристрастий. Если ты живешь превращениями, ты не стесняешь себя правилами. Видно, ты и вправду мудрее меня! Я, Конфуций, прошу дозволения следовать за тобой!». Здесь мудрец пытается вернуться к тому времени, когда еще не было человеческих представлений о внешнем мире и самом себе, к естественному состоянию мира в начале его существования. Подобный регрессивный процесс видит у Хармса М. Ямпольский, комментируя важный для Хармса мотив забвения, забывания как возврат к изначальному этапу существования предмета (обэриуты считали необходимым «забыть» всякую «литературщину», рутинные способы говорить о мире). Этот позитивно окрашенный мотив забвения (и мотив отказа от «разума») появляется у Хармса даже в стихах для детей. Например, в «Тигре на улице» (1936): «Я долго думал, откуда на улице взялся тигр. Думал-думал, Думал-думал, Думал-думал, Думал-думал, В это время ветер дунул, И я забыл, о чем я думал. Так я и не знаю, откуда / На улице взялся тигр».

Сопоставимая в своей радикальности аскеза провозглашается как цель и у Хармса. Совершенный человек Хармса – «голый человек», не желающий ничего приобретать (и потому неуязвимый). Радикально аскетический отказ от стремления к приобретению особенно последовательно воплощается в понятии «совершенного подарка», сформулированном в «Трактате более или менее по конспекту Эмерсона». Главная мысль трактата такова: «Система окружения себя предметами, где один предмет цепляется за другой, – неправильная система». По Хармсу, если мы дарим кому-то крышку от чернильницы, то требуется сама чернильница. Если мы подарили и чернильницу, то требуется стол, на котором она должна стоять. Такая система принужденных связей между предметами неправильна потому, что слишком

уязвима: «Уничтожение одного предмета нарушает всю систему». Совершенным подарком Хармс считает предмет самодостаточный, т.е. такой, который не может быть применен практически, не вызывает дополнительных желаний, не требует никаких дополнительных условий, например, палочку, к одному концу которой приделан деревянный шарик, а к другому концу – деревянный кубик. Уничтожение такого совершенного предмета не будет приносить никакого сожаления о потере. У Чжуан-цзы отторжение утилитаризма проявляется в отторжении (забвении) всего, что может пониматься как средство, всего «полезного», даже и человеческой речи: «Вершей пользуются при ловле рыбы. Поймав рыбу, забывают про вершу. Ловушкой пользуются при ловле зайцев. Поймав зайца, забывают про ловушку. Словами пользуются для выражения смысла. Постигнув смысл, забывают про слова. Где бы найти мне забывшего про слова человека, чтобы с ним поговорить!»).

Древняя восточная философия в качестве одного из главных своих положений выдвигает не просто взаимосвязь, но «взаимообращаемость» явлений мира. У Хармса взаимодействие и внешнего мира переживается эмоционально и интенсивно, причем в разных текстах и в разные периоды творчества по-разному. Чжуан-цзы описывает процесс правильного познания мира как отказ от собственной личности: «Сделай единой свою волю: не слушай ушами, а слушай сердцем, не слушай сердцем, а слушай духовными токами <“ци”>. В слухе остановись на том, что слышишь, в сознании остановись на том, о чем думается. Пусть жизненный дух в тебе пребудет пуст и будет произвольно откликаться внешним вещам». Путь сходится в пустоте. (Здесь «пустота» означает особенное состояние, находясь в котором, человек не претендует ни на что, не навязываясь, принимает все. – *Ш. Я.*). Пустота и есть пост сердца. Такой – откликающийся на все – человек у Чжуан-цзы «пребывает в незыблемом покое, а движется, не ведая границ, ведет каждого сообразно его устремлениям и приводит каждого к его изначальной природе. Странствует привольно и бесконечно, выступает, никуда не отклоняясь, и безначален как солнце, а телом слит с Великим Единством». Здесь каждое положение представляет собой внешне парадоксальное соединение несоединимого («пребывает в покое... движется», «сообразно его устремлениям... к изначальной природе», «привольно... никуда не отклоняясь»): видение мира как ряда антитез, но таких, в которых противоречие между противо-

стоящими друг другу элементами непременно может быть снято, характерно для гносеологии даосизма. Чжуан-цзы говорит, что нет границ между бытием и небытием, истинным и неистинным: «Противоречивые суждения о вещах друг друга поддерживают, а если они перестают поддерживать друг друга, следует привести их к равновесию на весах Небес. Будем же следовать вольному потоку жизни и исчерпаем до конца свой земной срок! Но что значит “привести к равновесию на весах Небес”? Отвечу: “истинное” есть также “неистинное”, “правильное” – это также “неправильное”». Эстетическое восприятие мира у Чжуан-цзы возможно как наблюдение за общением, сближением, взаимопревращением («ци») существ в одном жизненном потоке – Дао, как переживание единства мира, собственной способности понимать мир, «другого». Всё существует и одновременно не существует в гармоничном ритме жизненного потока. Качество бытия (ю) определяет неповторимость личности, качество небытия (у) позволяет осуществление высшего типа общения. Вот характерная притча, поясняющая это: «Чжуан-цзы и Хуэй-цзы прогуливались по мосту через реку Хао. Чжуан-цзы сказал: “Как весело играют рыбки в воде! Вот радость рыб!” – Ты ведь не рыба, – сказал Хуэй-цзы, – откуда тебе знать, в чем радость рыб? – Но ведь ты не я, – ответил Чжуан-цзы, – откуда же ты знаешь, что я не знаю, в чем заключается радость рыб? – Я, конечно, не ты и не могу знать того, что ты знаешь. Но и ты не рыба, а потому не можешь знать, в чем радость рыб, – возразил Хуэй-цзы. Тогда Чжуан-цзы сказал: “Давай вернемся к началу. Ты спросил меня: Откуда ты знаешь радость рыб? Значит, ты уже знал, что я это знаю, и потому спросил. А я это узнал, гуляя у реки Хао”».

Способность «двигаться, не ведая границ», не будучи ограниченными особенностями своей личности (и даже своей локализацией в пространстве), – важнейшая и для Хармса: «Я... и, сидя в комнате, познал весенний бег олений» («Факиров»). Подлинное созерцание – созерцание мира в целом, не задерживающееся на специфике отдельного: «Я не вижу частей по отдельности, а вижу все зараз» («Предметы и фигуры, открытые Даниилом Ивановичем Хармсом»). Собственное мышление Хармс определяет как «текучее»; и объясняет, что такое мышление надындивидуально и для одного человека (в современной ему европейской культуре) почти невозможно: «Один человек думает логически; много людей думают текуче. Я хоть и один, но думаю текуче». Представление о «текучести» мира отразилось в самой

100

поэтике художественных текстов Хармса: в композиции его стихотворений, в выборе любимых символов, в частности в особой роли символа воды. Этот символ организует движение лирического сюжета, например в стихотворении «Вода и Хню» (1931). Вода здесь персонаж, произведение строится как диалог воды и ее собеседника (сама форма диалога уже обеспечивает непрерывную изменчивость речи). Вода текуча в прямом смысле слова, и текучесть позволяет ей быть вездесущей, всеохватной. Она «тут» и «там», выходит за всякие рамки, в том числе рамки времени. Философские представления о значимости размывания границ в произведениях Хармса проявляются также в мотивах сна, «соседнего мира», «вестников» (образ, общий для «чинарей» и введенный Л. Липавским).

У позднего Хармса разные миры не просто сосуществуют, но и проникают друг в друга. И если в раннем творчестве Хармса сон мог быть тем соседним миром, где обретается покой, убежище от абсурдного реального мира, то для позднего Хармса между сном и реальным миром уже не было существенной границы, и это страшно («Сон», «Сон дразнит человека», «Старуха»). В отличие от свойственного даосизму радостного переживания «превращений», у позднего Хармса отсутствие границ начинает переживаться болезненно, как хаос, гибель личности. «Уничтожение предметов вокруг себя», пусть и «правильное», приводит к ощущению потери связи между явлениями, к отстранению себя от всего окружающего, порождает чувство одиночества. Особенно заметна эта эмоциональная окрашенность философской концепции в текстах первой половины 30-х годов, разрабатывающих понятия «нуля», «ноля», «круга». Бытие, в даосизме вечно рождающееся из небытия, у Хармса начинает небытием поглощаться (и, если продолжать искать у Хармса следы влияния древнекитайской философии или сопоставимые с ней черты, то можно сказать, что Хармс ранний близок к даосизму, а поздний – к буддизму).

С. Г.